

нию за время иконоборства. Тем не менее ошибочно было бы ставить иконоборцам в вину, будто они-то именно и были причиной упадка наук и искусств в Византии. Исаурияне вовсе не были грубыми невеждами. Искусство в Византии никогда не погибало, а из умственного движения, порожденного иконоборством, уже в IX столетии произошло возрождение науки в Константинополе, когда покровитель муз и меценат император Бардас завел во дворце Магнаура новую академию и во главе ее поставил архиепископа фессалоникийского Льва, из этой-то академии вышел впоследствии ученый Фотий.

В какой мере принимал город Афины участие в греческом мятеже, нам неизвестно. Но весьма достопримечательное восстание 727 г., во всяком случае, рисуется нам как внезапное пробуждение древнегреческого самосознания в народе. Возмущение это вместе с тем доказывает, что греки как на материке, так и на островах, группирующихся около Самоса, достигли в эту эпоху сравнительно значительного могущества, ибо, значит же, в первое 30-летие VIII века существовали в Греции города, достаточно богатые и населенные, если могли на собственный счет снарядить целую флотилию и на собственный страх предпринять политический переворот. По этой же причине едва ли мыслимо, чтобы славяне в эту эпоху могли обессилить греческую нацию или поглотить ее.

2. Процесса ославянения значительных пространств в Элладе и Геллеспонте исторически вообще нельзя в точности наметить, но, по-видимому, совершался он преимущественно в VIII веке, в царствование Константина Копронима (от 741 по 775 г.). В X столетии один из потомков названного императора-иконоборца написал сочинение о фемах империи, и здесь Константин Багрянородный замечает о Пелопоннесе, будто весь этот край превратился в славянский и варварский благодаря повальной чуме, постигшей страну. Эта же чума начиная с 746 г. ужаснейшим образом опустошила Константинополь и Грецию.